

Дерягина Ирина Геннадьевна

"АФРИКАНСКАЯ ИДЕЯ" В КОНТЕКСТЕ НОВЕЙШЕЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-1/6.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 18-21. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список литературы

1. Григорьев В. Музыкальный романтизм. Сущность стиля и проблемы интерпретации // Проблемы романтизма в исполнительском искусстве: науч. тр. Моск. гос. консерватории им. П. И. Чайковского / ред.-сост. С. И. Тихонов. М., 1994. Сб. 6. С. 3-26.
2. Красовская В. Западноевропейский балетный театр: очерки истории. Преромантизм. Л., 1983. С. 18.
3. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. С. Дмитриева. М.: Изд-во МГУ, 1980. 638 с.
4. Махов А. Ранний романтизм в поисках музыки. Слух, воображение, духовный быт. М.: Intrada, 1993. 127 с.
5. Петров О. Русская балетная критика конца XVIII-первой половины XIX века. М.: Искусство, 1982. 319 с.
6. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. Изд. 4-е. М.: Политиздат, 1981. 445 с.
7. Чавчанидзе Д. Романтическая сказка Фуке // Ла Мотт Фуке де Ф. Ундина. М.: Наука, 1990. 552 с.

УДК 930.22

Ирина Геннадьевна Дерягина

Волгоградский государственный педагогический университет

«АФРИКАНСКАЯ ИДЕЯ» В КОНТЕКСТЕ НОВЕЙШЕЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[©]

Обращение к исследованию традиционных западных концепций в отношении народов Южной Африки в современных условиях глобализации, а также активного процесса адаптации южноафриканцев к проблеме самоидентификации приобретает все большее значение.

В последние годы ряд европейских исследователей обратился к рассмотрению проблемы влияния отношений Британия – Африка в социально-культурном плане на жителей юга Африканского континента, что стало интересным предметом для научных дискуссий.

Кроме того, необходимо принять во внимание и тот факт, что для народов Южной Африки характерна высокая степень чувствительности по отношению к колониальному прошлому и трудоемкому процессу освобождения от "колониализма в умах".

Само же по себе воздействие английского колониализма на традиционное общество юга Африки воспринимается рядом западных авторов с оптимистических позиций, сочетающих приверженность к традиционализму и некоторое стремление к объективизму. Это находит отражение в понимании и признании того факта, что колониальное вторжение сыграло неоднозначную роль в преобразовании и дальнейшем развитии южноафриканцев.

В рамках этой небольшой статьи мы попытаемся проследить основные взгляды и концепции зарубежных авторов, характеризующие отношение англичан к южноафриканскому обществу и степень воздействия английского колониализма как явления на его развитие.

Следует отметить, что для новейшей зарубежной африканистики главной тенденцией является стремление уйти от традиционных европоцентристских догм, выработанных во многом под влиянием величия колониального прошлого.

Характерный для современных представителей прогрессивного направления (работы которых мы будем анализировать) подход к рассмотрению отношений между английскими колонизаторами и южноафриканцами – это попытка понимания сущности этих взаимоотношений сквозь концепцию "Африканской идеи".

Выработке этой "идеи" предшествовало исследование целей, методов осуществления колониальной политики. Изучение отношений колонизаторов к захваченным народам юга Африки, и понимания ими (южноафриканцами – И. Д.) собственной национальной идентичности.

В монографии Б. Буш "Империализм, расы и сопротивление. Африка и Британия (1919-1945 гг.)" [1] на основе сравнительного анализа разнонаправленных исторических работ консервативного, либерального и марксистского толка даются объективные оценки империалистической политики Британии.

Большинство зарубежных африканистов, говоря о своем отношении к югу африканского континента, главное его значение видели прежде всего в укреплении экономического могущества Англии как колониальной державы за счет получения дешевых источников сырья и рынков сбыта. Это нашло подтверждение в высказывании Б. Буш о том, что "Африка еще более укрепила имперский престиж Британии" [Ibid., p. 21], с которым мы вполне можем согласиться.

Кроме того, зарубежными историками по-прежнему культивируется тема цивилизаторской миссии белого человека. Колониальная администрация, с их точки зрения, распространяла свое влияние, подавляя любое сопротивление, при этом, постоянно неся "бремя" белого человека в Африке [Ibid., p. 22-24]. Соглашаясь с консервативной историографической традицией, Б. Буш пишет, что весь процесс привнесения западной модели цивилизации "примитивным" и "отсталым" [Ibid., p. 28] южноафриканцам окутан неким восторженным ореолом.

Рассмотрение колониальной политики и расовых проблем историками консервативных убеждений показывало твердость империалистических взглядов, что подчеркивалось дискуссиями о расовом превосходстве и значении расширения империалистических возможностей.

Большинство авторов характеризовали южноафриканцев как "огромные непостижимые, неопределенные черные массы... язычников, простодушных и неловких в контактах с "цивилизацией". Африка представлялась им примитивной и отсталой, находящейся вне современности" [Ibid., p. 28]. И эти концепции так же принимались и подтверждались Б. Буш, впрочем, как и критиками колониализма, так как уровень развития африканских стран на момент колониального проникновения был ниже, чем в Англии, пережившей к тому времени бурное развитие промышленности.

Делясь детскими впечатлениями об Африке, в одной из глав своего исследования, она пишет о том, что Африка ей представлялась величественной, и вместе с тем пугающей, таящей в себе много тайн и опасностей. "Черными" пугали детей за плохое поведение, что в свою очередь с психологической точки зрения содействовало укреплению "белого" превосходства [Ibid., p. 46]. Б. Буш, исходя из анализа усиления британского колониального господства, приходила к пониманию нарастающих противоречий между "империалистическими стремлениями к господству и возникающими (среди африканцев – И. Д.) "мечтами о независимости"" [Ibid., p. 46]. Для объяснения вполне объективных различий в структуре миропонимания, жизненного устройства народов Англии и Южной Африки и была выработана философская концепция "африканской идеи".

Проанализировав существующие в историографии взгляды относительно имперских стереотипов, Б. Буш объединила их, используя так называемую "африканскую идею". По ее мнению "Африканская идея, это продукт Запада, который может быть показан через конфликт системы знаний, мифы и одностороннее измерение африканской идентичности" [Ibid., p. 29]. Осмысливая пользу «африканской идеи» для понимания различий двух обществ английского и африканского, Б. Буш выражала несогласие с изложенной концепцией. Природа этой "африканской идеи" основывается на принципах негативного отношения к народам юга Африки и африканского континента вообще, что вполне объяснимо непониманием, а точнее не желанием понять и принять особенности социума, культуры, менталитета, характерные для южноафриканцев. Однако данный подход не в полной мере учитывает степень самобытности, характерной для традиционного южноафриканского общества.

Б. Буш выводила "африканскую идею" еще из времен первого проникновения европейских путешественников во внутренние районы Африки. Путешественниками и миссионерами, в результате этих первых впечатлений, зачастую обманчивых, и выработанных под влиянием выгод, которые сулила колониальная политика в данном регионе, создавались различные мифы, которые были рассмотрены и проанализированы в монографии Б. Буш. Первый миф, о котором она писала, основывался на утверждении о том, что Южная Африка застыла в своем развитии, будучи изолированной, от внешнего мира. Второй миф преувеличивал роль английского колониального вторжения, которое возместило эту отсталость благодаря своему гуманистическому влиянию [Ibid., p. 27-30].

Характеризуя данные "мифы", Б. Буш пыталась подойти к их оценке критически, понимая различия английского и южноафриканского обществ, и осмысливая положительные преобразования, привнесенные английскими колонистами. Соглашаясь с Б. Буш, в том, что колониальное вторжение оказало разностороннее воздействие как положительного, так и отрицательного свойства на южноафриканское общество. Следует отметить, что под "благоприятным влиянием", на первых порах английской колонизации, Б. Буш видимо понимает закон об отмене рабства в 1838 году, который был воспринят с оптимизмом и надеждами на положительные изменения в жизни южноафриканских племен, по сравнению с внутриколониальной политикой африканеров. "Новые патерналистские концепции, которые утверждались с отменой рабства, примитивные народы рассматривали как объект заботы, и британское государство осознавало эту новую роль защитника "слабых рас" которая была связана с неизбежным распространением цивилизации..." – пишет Б. Буш [Ibid., p. 30].

Западноевропейские историки европоцентристских взглядов в основном односторонне трактуют британскую экспансию как "помощь" странам юга Африканского континента в преодолении политической, экономической и культурной отсталости.

В работе Б. Буш содержится и критика негативных сторон колониальной политики, таких как, например, расизм, и односторонних суждений по отношению к жителям юга Африки. Б. Буш как представитель американской исторической науки выражала несогласие с консервативными оценками колониальной политики, которых придерживались английские африканисты. Так в ее исследовании подчеркивается, что имперская политика Британии, основана на империалистических идеалах и национальной высокомерии по отношению к южноафриканцам [Ibid., p. 31]. Осуждение колониальной политики британского империализма присутствует в монографии Р. Джонстона "Британский империализм". Он отмечает, что "империализм сопровождался расизмом" [4, p. 11]. Для него (т.е. для империализма – И. Д.) была характерна негуманная классификация людей на "белых", "черных" или "цветных" [Ibid., p. 3-11], и вместе с тем первостепенная оценка роли британцев по отношению к населению колоний.

По замечанию Р. Джонстона, Британская империя использовала расовые категории, не только в качестве орудия принуждения и разделения, но также для содействия британским колониальным властям в проведении политики эксплуатации и умирении антагонистически настроенных группировок [Ibid., p. 10-11].

В исследовании Р. Джонстона предпринята также попытка, показать многообразие форм британского колониального влияния, где наряду с дипломатическими альянсами, торговлей, культурой основное внимание уделялось и идеологии. Что же касается трактовки сути империализма, то автор рассматривал его как некий феномен, представляющий большую часть консервативной истории. По мнению Р. Джонстона империализм как политика и идеология должен был реализовать стремление английского государства к расширению собственного господства, обеспечить национальную безопасность за счет расширения экономического или военного влияния. Кроме того, империализм, как явление способствовал распространению культурных взглядов и идей [Ibid., p. 11-12]. Действительно в идеологии империализма господствующей являлась идея развития. Она провозглашала приоритетное развитие английской нации, занимающей господствующее положение, в сравнении с другими "отсталыми" странами и их "дикими" народами.

Соглашаясь с тем, что, колонизация принесла с собой цивилизационный компонент на африканскую почву, не стоит при этом забывать о том, какими методами это осуществлялось. Так, Р. Джонстон, пишет, что существующие стереотипы о народах Южной Африки, узаконенные практикой колониальной политики, способствовали развитию и длительному сохранению предубеждений в отношении южноафриканцев как людей без истории и культуры [Ibid., p. 107-108]. Таким образом, автор отмечал негативную роль притеснения колонизаторами народов юга Африки. Такое отношение объясняется различием общественных институтов, культуры, речи, а так же разными ценностными и мировоззренческими взглядами английского и южноафриканского обществ.

Р. Джонстон, отмечая факторы непонимания двух обществ, также склонен интерпретировать их как результат негативных империалистических установок в отношении коренного населения английских колоний. Трудности, которые испытало население Южной Африки в процессе роста национального самосознания и борьбы черных африканцев за свои права, были обусловлены колониальным прошлым. Как справедливо было отмечено исследователем, "Расовая идентичность (южноафриканцев – И. Д.) была основана на пессимизме, который был результатом трудных оценок и отношения к фактам европейского господства в конце XIX века" [Ibid., p. 11].

В результате колониального вторжения в южноафриканском регионе, произошли значительные изменения, как положительного, так и отрицательного характера. Исследователь Д. Гелбрайт отмечает негативное воздействие колониального вторжения англичан на племена и народы Южной Африки. Он пишет: "как и большинство примитивных племен, готтентоты были деморализованы под влиянием контактов с европейцами. Их социальная структура была дезинтегрирована" [3, p. 44].

Колониальная политика европейских держав способствовала трансформации характерных для Южной Африки социальных, политических и экономических структур. Так, традиционные общественно-политические структуры, пишет Д. Гелбрайт, были подвержены значительным преобразованиям – "Европейская культура, Европейское правительство, Европейские интересы содействовали неизбежному изменению трайбалистской системы" [Ibid., p. 46].

Оценивая капиталистические методы английской системы колониального управления, следует отметить, что представители колониальных властей отменили рабство исключительно в корыстных интересах. Им были необходимы свободные рабочие руки, а давать равные права южноафриканцам они не собирались. Д. Гелбрайт пишет "...Те, кто уцелел от пуль белого человека и его болезней, стали рабами, безземельными рабочими, чье состояние часто было неотличимо от рабства.... Некоторые господа обращались с ними плохо, другие лучше, но они (коренное население – И. Д.) постоянно находились в подчиненном положении, работая на белых аристократов" [Ibid., p. 44].

Новым этапом в разработке концепта "африканская идея" явилось рассмотрение формирования этой идеи через призму проблемы адаптации южноафриканцев, прибывших в Англию. М. Фишер, рассматривая проблему самоидентичности, пишет, что большинство переселенцев, прибывающих в Британию, зачастую принимали форму восточной или азиатской расовой и национальной идентичности [2, p. 91]. Это является вполне обоснованным, так как представители южноафриканцев пытались сохранить приверженность к своей нации, культуре, менталитету. Кроме того, он отмечает предвзятое отношение англичан к африканцам вообще, что было обусловлено влиянием колониального прошлого. Он пишет: "концепт "Азиат" в понимании большинства британцев имел негативное значение, которое было предопределено влиянием колониального мировоззрения" [Ibid., p. 91]. Далее исследователь переходит к рассмотрению проблемы складывания "асимметричных отношений" [Ibid., p. 99] англичан и южноафриканцев, выявлению природы этих отношений, в основе которой было господство белого человека, что также явилось результатом политики английского империализма.

На основе анализа западноевропейских концепций относительно проблемы сохранения самоидентичности южноафриканцами, в условиях жизни в Англии, автор пишет: "британский колониализм создал и постоянно усиливал несправедливость в отношениях между европейцами и выходцами из колоний, которые, приехав в Европу, сталкивались с новыми, (неизвестными им – И. Д.) формами культуры" [Ibid., p. 100-101]. Кроме того, М. Фишер полагал, что авторитет британского общественного мнения, отодвигал неевропейцев до уровня развития XIX века [Ibid., p. 112].

Очень трудно преодолеть существующий антагонизм между двумя различными группами людей, разделенных колониальной политикой, практикой апартеида и идеологическими предубеждениями относительно господствующих и подчиненных рас.

Несомненно, что колониальный период оказал значительное широкомасштабное влияние на развитие не только данного региона, но и на самих южноафриканцев. Колониальное прошлое Южной Африки надолго сохранилось в памяти и психологии многих поколений, живущих на юге африканского континента, и продолжает оказывать определенное влияние на них и сейчас.

В заключение хотелось бы отметить ряд важных моментов характерных для современной английской африканистики.

Во-первых, зарубежная историографическая традиция в отношении южноафриканцев в основном коренится в политико-идеологических консервативных империалистических идеях.

Во-вторых, современными зарубежными исследователями делаются довольно успешные попытки критического переосмысления роли британской колониальной политики в жизни колонизируемого традиционного общества. Так, в английской и американской исторической традиции существуют противоположные мнения по данной проблеме. Англичане довольно таки трудно отказываются от консервативных стереотипов, западные же, в свою очередь, в оценках роли британского колониализма придерживаются прогрессивно-либеральных воззрений.

В-третьих, важно понимание современными английскими историками трудности постколониального стремления южноафриканцев к сочетанию традиций и новаторства, привнесенного англичанами, в виде новых знаний, технологий и системы социальной организации. Для того чтобы правильно понимать особенности развития южноафриканского общества, своеобразие его культурных традиций, необходимо избегать односторонних трактовок, говорящих либо о негативном, либо позитивном влиянии Запада и Востока друг на друга, а стремиться увидеть и понять многомерность их отношений на основе взаимовлияния.

Список литературы

1. **Bush B.** Imperialism, race and resistance. Africa and Britain, 1919-1945. L.: Rutledge, 2004. 394 p.
2. **Fisher M. H.** Asians in Britain: negotiations of identity through self-representation // A new imperial history, culture, identity and modernity in Britain and the Empire, 1660-1840 / edited by K. Wilson. L.: Cambridge University press, 2004. 385 p.
3. **Galbraith J. S.** Reluctant empire British policy in the South Africa frontier 1834-1854. Berkeley and Los Angeles: University of California press, 1963. 293 p.
4. **Johnston R.** British imperialism. New-York: Library of Congress, 2003. 284 p.

УДК 001.4

Дмитрий Павлович Жеребчиков

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

РОССИЙСКОЕ МЕЩАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ[©]

В России в конце XX возникла тенденция к своеобразной «реабилитации» предпринимателя, труженика и семьянина, которых за годы советской власти привыкли называть обывателями и спекулянтами. Многие ученые и публицисты стали изучать тему отечественного «среднего класса». Существовал ли в России прообраз среднего класса? Отвечая на этот вопрос, исследователи обращают внимание на историю крупных городских дореволюционных сословий, и в том числе на российское мещанское сословие. Сам термин «мещанство» до сих пор несет в себе негативную смысловую нагрузку. Это обусловлено тем, что интерес к мещанству до недавнего времени проявляли, к сожалению, прежде всего, не ученые-исследователи, а литераторы, публицисты, представители интеллигенции.

Прежде всего, необходимо рассмотреть этимологию термина «мещанство». Оно произошло от польского «mieszczanstwo». В переводе с польского «мещанин» означает «горожанин». На Руси в XVI – первой половине XVIII вв. мещанами называли выходцев из польских городов и горожан Украины и Белоруссии. Уже с середины XVII в. польским словом «мещане» стали называть «черных градских людей», т.е. низший разряд городских жителей (мелочные торговцы, ремесленники, поденщики). Их называли также посадскими людьми. При Петре I все городские обыватели получили общее наименование «мещане».